

ПАСХАЛЬНОЕ ЧУДО

ВЕЛИКИЙ ПОСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

УДК 82-32

ББК 94.3

В27

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р18-719-0693*

В27 **Великий пост в произведениях русских писателей.** — М. : РИПОЛ классик. — 256 с. — (Пасхальное чудо).

ISBN 978-5-519-64041-1

Пасха — это праздник праздников, торжество победы жизни над смертью. На всем протяжении великих, святых, таинственных пасхальных дней душа наиболее открыта для веры, преображения, радости. Это — самое лучшее время, чтобы проявить к своим родным и близким любовь и внимание.

Великий пост — особенное время, позволяющее впустить в свое сердце милосердие, прощение и свет. Проникновенные произведения русских писателей на тему этих святых дней никого не оставят равнодушным!

УДК 82-32

ББК 94.3

ISBN 978-5-519-64041-1

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

Н.С. Лесков

Страстная суббота
в тюрьме

I

Возможностью посетить в Великую субботу две петербургские тюрьмы я обязан одному из директоров тюремного комитета Петру Семеновичу Л., за что и приношу ему здесь мою благодарность.

Я отчасти знаком с тюремными порядками в Англии и Франции и наблюдал много раз тюремные порядки в русских местах заключения (гражданских и военных). Назад тому лет восемь я видел Страстную субботу в небольшом остроге одного уездного городка Киевской губернии, и день этот произвел на меня ужасно неприятное, потрясающее впечатление. После того я еще два раза был в этот день в двух больших тюрьмах, из которых одна не подлежала гражданскому ведомству. Впечатление то же: сжимающее и гнетущее; но несмотря на то, нынешний год я хотел снова заставить свою душу поболеть и показниться.

Кто читал известное многим юристам письмо Чарльза Диккенса о том, как вешают человека, тому, вероятно, понятно, что человек, лишенный всяких свирепых инстинктов и в то же время не разделяющий известных утопий, может искать случая наблю-

дать явление, поразившее его однажды, и относиться к нему с совершенным беспристрастием стороннего наблюдателя, которому личные симпатии мешают видеть факты такими, какими они являются в данный момент.

Остроумные люди должны простить мне, что, говоря о своей привычке посещать тюрьмы в день, в который тюрьма делается еще тяжелее и еще несноснее, я позволил привести в свое оправдание привычку английского писателя с именем, с которым очень приятно ставить свое имя. Это нужно было для объяснений, которые могут кому-нибудь из читателей показаться странными. К тому же Чарльз Диккенс описывает, как вешают человека и как ревет безумная толпа, наблюдающая его предсмертные вздрагивания, а я просто хочу записать: как в Страстную субботу 1862 года русские люди, сидящие в петербургских тюрьмах, ожидали светлого праздника.

7-го апреля я был в тюремном здании при доме 3-й адмиралтейской части и в большой тюрьме гражданского ведомства, выстроенной возле Театральной площади. Тюремное здание 3-й адмиралтейской части устроено в средине двора. Это высокий флигель довольно безобразной архитектуры с небольшими окнами, в которые вделаны железные решетки. Ни вооруженных, ни безоружных часовых снаружи я не видел. В довольно большой передней, где стоит образ, перед которым горела лампада, было около десяти полицейских солдат, которые при нашем входе вскочили, «ланы вспуганной быстрой»,

и громко ответили на приветствие г. Л. обычным
«здравия желаем, аше скобродие!»

Я не мог разобрать, все ли эти люди были здесь по службе или только сошлись побеседовать в приятном месте. Со входа налево был так называемый «приемный покой» с небольшой передней, в которой на провалившемся диванчике, обитом когда-то цветной kleenкой, тоже сидели три солдата.

«Приемный покой» собственно состоит из этой передней и двух комнат, между которыми нет прямого сообщения, и чтобы попасть из одной в другую, непременно нужно пройти через переднюю, в которой сидят солдаты. В одной комнате (из передней налево) мы застали двух человек арестованных и какого-то старшего полицейского солдата. Когда мы вошли, солдат соскочил с подоконника, на котором он сидел, разговаривая со стоявшим возле него арестантом.

Арестант этот был молодой человек, брюнет, с довольно выразительною физиономиею; волосы на голове у него были в беспорядке, и небольшие карие глазкиискрились бессильным гневом и досадой. На нем был надет казенный суконный халат с высоким воротником, и он постоянно одною рукою запахивал этот воротник около своей шеи.

— Помилуйте, полковник! Что же это! Ведь это разбой. Меня здесь хотят уморить. Завтра такой праздник, а я в тюрьме, когда доктор сказал, что я здоров и меня можно выпустить.

— Зачем их не выпустят? — спросил я солдата.

— Не могу знать-с, аше скобродие.

— Поручителей требуют, — подсказал сам арестованный.

— У него было помешательство, — сказал мне полковник А. по-французски и потом, обратясь к больному, прибавил: — Ну, что же, разве у вас нет никого знакомых?

— Нет-с, полковник! Знакомые есть, да я не хочу идти на поруки.

— Отчего же?

— Да зачем же поручители, если доктор сказал, что я здоров? Как вы думаете, здоров я или нет? Ведь здоров! — продолжал он. — А здоровому умом человеку зачем поручители?

— А зачем вы с топором по улице ходили?

— Не с топором-с!

— Как не с топором?

— С палкой, со штилем.

— Ну, с палкой. Ведь вы знаете, что с такими палками ходить не дозволено.

— Наследственная это была палка, я с ней и ходил, и ничего больше.

П. Л. обещал ему где-то походатайствовать.

— Пожалуйста, полковник. Сами знаете, какой праздник.

На вопрос о другом арестанте солдат значительно тронулся за лоб, и мы вышли в переднюю. Из нее дверь направо вела в женскую комнату, в которой, однако, никого не было. Убранство ее состояло из двух коек и столика, но койки эти содержались далеко с большей опрятностью, чем койки арестантов-

мужчин, у которых чехлы на кроватях были невероятно грязны, а одеяла из какого-то неведомого материала напоминали постели горничных девушек старых помещичьих домов В-ской губернии, для которых где-то покупались одеяла из так называемых «поплевок». Шерсть не шерсть, и не бумага, а так, черт знает что; узелки какие-то сизаны: и редко, и тяжело, и как-то маслянисты на ощупь.

В женской комнате мы пробыли несколько минут. Когда г. Л. вышел в переднюю, его встретили оба арестанта.

— Пожалуйста, полковник, похлопочите, — жалобно напомнил брюнет.

— Уж я дал вам слово и все сделаю, что в моих силах.

— Да, пожалуйста, а то праздник.

Другой арестант что-то хотел сказать, но закрыл рукою рот и приостановился.

— Не хотят ли чего-нибудь сказать мне? — спросил г. Л.

— Кашель, — проговорил арестант разбитым, больным голосом с сильным немецким акцентом, заметным даже в одном слове.

— Да нет, пустяки! — отозвался брюнет.

— Почему вы думаете, что пустяки? — спросил г. Л.

— Они не здоровы... совсем тронут, — продолжал он шепотом.

Немец стоял покойно и глядел беспечно. Ему было лет за 45, глаза голубые и лицо довольно симпатичное. Он стоял посреди комнаты и, заметив, что на

него смотрят, шаркнул ногою, как воспитанник благородного пансиона, и опять сказал: «Кашель».

Больше мы от него ничего не слыхали и выпали в сени, а оттуда в ту переднюю, где сидела прежде упомянутая мною толпа солдат и где мы оставили свои калоши, до вступления в приемный покой. По таблице, висевшей на стене, значилось, что 7-го апреля здесь находится 25 человек арестованных, из которых 2 малолетних, 3 публичные женщины, 3 следственных и, кажется, 7 секретных.

Сначала пошли по коридору направо. Унтер, державший связку ключей, отпер дверь. Обыкновенная декорация: широкие нары, сыроватые стены и узенькие окна с железными решетками вверху. На нарах стоит чашка со щами, и за ней сидят трое: молодой красивый парень с пробором на боку, какой-то мещанин да мальчик лет 15 с совершенно круглыми глазами.

— Здравствуйте, друзья мои!

— Здравствуйте, ваше высокоблагородие!

— Поубыло вас.

— Да, все в тюрьму, да которых в другие арестантские разослали; а то кое-кого выпустили.

— Ты за что? — спросил г. Л. мальчика.

— А!

— За что, мол, тебя взяли?

— Меня-то?

— Да.

— У него куричья слепота, — ответил молодой парень. — Шел он дней пять назад вечером, устал,